

ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА
ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
ИМЕНЕМ В. И. ЛЕНИНА, ДЛЯ ОКТЯБРЯ

3 ' 1990

МУРЗИЖКА

ISSN 0131-1931

**Мурзилка поздравляет
всех маленьких
читательниц журнала,
их мам, бабушек, сестёр
и учительниц
с праздником
8 Марта!**

Сурен МУРАДЯН

МАМА И ВЕСНА

**Наша мама как весна:
То как солнце засмеётся,
То как лёгкий ветерок
Головы моей коснётся.**

**То рассердится слегка,
Будто тучка набежала,
То как радуга она:
Поглядишь — и засияла!**

**Как заботница весна,
Не присядет, не устанет,
Вот придёт она домой,
И тотчас весна настанет!**

*Перевела с армянского
Ирина ТОКМАКОВА*

С «Мурзилка», 1990 г.

Валентина ЛАНЦЕТТИ

ПРИЗНАНИЕ

Люблю свой дом, свою речушку,
Люблю в ней каждую ракушку
И каждый камушек на дне.
И мостик-радугу над ней!

Люблю свой лес в зелёной майке,
Ромашки на лесной лужайке,
Люблю я солнце, добрый ветер,
А маму — больше всех на свете!

Фатали САХИБ

САМЫЙ ТЁПЛЫЙ СНЕГ

На бабушку внука
С тревогой глядела:
— Совсем у тебя
Голова побелела!

Ответила бабушка
Внучке со смехом:
— Мне выюга засыпала
Голову снегом!

— А можно его
Я поглажу немножко!
Какой же он тёплый —
Не мёрзнет ладошка...

Перевёл с азербайджанского
Юрий КУШАК

Рис. В. ХЛЕБНИКОВОЙ

С МОЕГО КРЫЛЕЧКА- РЕЧКА

П О В Е С Т Ь

Владислав
БАХРЕВСКИЙ
ХОЗЯИН

О КРЕСТНОСТЕЙ

Речка Барашек за ночь выросла в Барана.

Вода, как убегающее молоко, перебиралась через берега, затопляла Семибратскую пойму. Оттого и Семибратскую, что над водой остались семь островов, семь дубрав.

Женька прикинул на глаз силу потока. Половодье как половодье, не шибче прошлогоднего.

Свистнул зяблику. Зяблик сидел на голой черёмуховой ветке и рюмил:

— Рю! Рю! — говорил зяблик, одобряя пасмурную, обещавшую тепло погоду. — Рю! Рю!

Пепельно-голубая головка словно капля весеннего неба, над хвостом зелёное пёрышко, грудь коричневая.

— Пинь-пинь-пинь! — вызвенел вдруг зяблик, оповещая всех других зябликов, что место на черёмухе занято.

— Заждался подружку? — спросил Женька и точно так же, как зяблик, похозяйски окинул долгим взором окрестности.

Река, леса, Клубничный холм, Заводь — всё это были его владения. На семь вёрст до Язей, а за реку на все двенадцать — Женька один как перст. Ну, конечно, ещё мама и папа, но у них сотня бычков, дом, дела. Одинёшенек Женька, одинёшенек.

— Крррр-ах! — уже так заскрежетало, так треснуло, что и Суворов бы вздрогнул.

И увидел Женька чудо из чудес.

За речкой дядька в детской шапочке с розовым помпоном отдирает с окон дома деревянные кресты.

Как только крест отлетал прочь, окно отворялось, быстрые белые руки смывали со стёкол пыль, потом являлась кружевная занавеска и цветок. Уже цветущий!

Душа у Женьки замерла в ожидании. Он не то что половину, он все свои владения отдал бы за друга. Попробуйте-ка пожить в деревне, где из сорока домов только твой не заколочен.

Дядька оторвал кресты и ушёл.

Ветер с реки пробирал до самых малых косточек. Руки стали как кочерыжки. А небо-то уж совсем светлое! В школу придётся бегом бежать.

Сердце у Женьки совсем остановилось, когда набухшая от дождей дверь оживающего дома вздрогнула, подавалась и... На крыльцо в голубом, как незабудка, пальто вышла девчонка.

Д Р Ё М А

В класс Женька влетел, когда ребята поднимались, приветствуя учительницу.

Плюхнулся на своё место в последнем ряду. Отпыхался, утёр мокрый чубчик, вытянул ноги, и сладкая истома покатила по телу. Учительница, такая добрая с утра, принялась читать рассказ о весеннем ледоходе. Она читала с выражением, но у Женьки глаза сами собой захлопали, захлопали... И Женька увидел струящийся по светлым пескам Барашек, плот на Барашке, а на плоту себя и Друга. Друг показывал рукою вдаль, и Женька крутил головой, чтобы разглядеть, что там, за синим лесом...

Вдруг с берегов, а может, с самого неба покатился сухой горошек.

Женька дёрнулся и увидел, что все ребята смотрят на него и хохочут.

— Дрёма! Дрёма! — кричали они, веселясь.

Женька встал, виновато опустил голову.

— Ты мне однажды, Женя, говорил, что сосчитал шаги от твоего дома до школы. Сколько у тебя получилось? — спросила учительница.

— 18 601 шаг, — сказал Женька, — я потом перемерил, получилось 18 822.

Ребята захохотали пуще прежнего, но учительница спросила их:

— А сколько шагов до ваших домов? Сто, двести, полтысячи? Вы просыпае-

тесь в половине восьмого, а Женя в шесть утра.

Учительница подошла к окну и сказала:

— Ручьи-то как бегут! Ты, Женя, бери сумку и ступай домой, пока дорогу совсем не развезло. С сегодняшнего дня каникулы на две недели.

— Ура! — закричали ребята, вскакивая с мест.

Учительница взяла указку и строго постучала по доске.

— У Жени трудный и долгий путь, а у вас близкий и по асфальту. Сегодня мы с вами будем читать рассказы и стихи о весне. Возьми, Женя, книгу, ты считаешь её дома.

Женька просиял, да тотчас и пожалел ребят. Они хоть и дразнили его Дрёмой, но он любил их.

СЕМЕЙНЫЙ ПОРЯД

Бычки, все сто, тянулись к Женьке мордами, и он каждого, чтоб без обиды, почесал между рожками.

— Такие вот дела, парни! — похвастал Женька. — Меня — домой, на каникулы, а язята за насмехательство в школе сидят.

Отец и мать взяли бычков, потому что истосковались по честной работе.

— Какая это работа, когда десять мужиков толчётся вокруг одной куки, — говорил отец.

Мама с отцом была заодно, только ей хотелось завести коров.

— С коровами труднее, но и роднее. Ты к корове с лаской, она к тебе с молоком.

— Три-четыре семьи вернутся, обязательно устроим молочную ферму, — соглашался отец.

Бычки были уже кормлены, но Женька натрусил им сенца.

— Ешьте! — и вздохнул. Вспомнил сон про Друга и ещё раз вздохнул.

ЗНАКОМСТВО

Женька залез на печку. Печка у них была русская. А на русской печке царство уместается.

— Здравствуй, Хлебный дух! — шепнул Женька печному теплу.

Хлебный дух был существом невидимым, но родным. Любое огорчение лечил тёплым сном, любые слёзы осушал.

— Ты небось спишь? — спросил

Женька. — Понимаешь, приехали тут одни...

И не досказал. До того захотелось поговорить с таким же человеком, как ты сам... До того захотелось, что скакнул с печи и прилип к окошку.

Мама у плиты запарилась, но хоть бы слово сказала. А ведь не любит, когда сын бездельничает.

Вот оно! Дверь в доме за рекой отворилась, в дверях заголубело!

Женькины ноги сами собой впрыгнули в сапоги. Шапку, шарф, куртку под мышку... В сенях, однако, опамятовался. Прилично ли так девчонке радоваться? Шапку на затылок, куртку на все кнопки, шарф намотал не хуже городских, один конец землю подметает.

Шёл к реке Женька нога за ногу, будто на привязи тащили. Девочка тоже подошла к самой воде. Помолчав сколько было надо, Женька спросил:

— Ты кто?

— Я?! — Голос у девочки был тоненький и еле-еле перелетал над шумливой водой. — Я — Женя.

— Это я — Женя, Женька то есть, — не согласился Хозяин окрестностей.

Девочка промолчала.

— А по фамилии как?

— Собакина.

— Врёшь! — рявкнул Женька.

Девочка заморгала, замотала головой.

— Я не вру. Ты тоже Собакин?

— Нет, — сказал Женька. — Я — Кошкин.

Девочка, наверное, не поверила. Она немножко отступила от реки, постояла, глядя в сторону, поёжилась.

— У вас так холодно. Пойду книжку читать.

— Про разбойников?

— Весной я люблю читать стихи, — сказала Женя.

— Про любовь, что ли?

— Нет, серьёзное, — ответила девочка. — Я читаю «Песнь о Гайавате».

Женя Кошкин про Гайавату слышал впервые в жизни, и он сказал:

